

ГРИГОРИЙ МИЛЕГИН, ЯКОВ ШЕСТОПАЛ

ДЕНЬ КОНЧАЕТСЯ ЗАВТРА

Андреев долго плутал по узким, захламленным дворам Мещанской улицы, пока не обнаружил на двухэтажном деревянном домишке с ободранными в щепу боками привинченную бронзовыми болтами большую нарядную вывеску Щербаковского райотдела милиции. На фоне почерневшей от времени стены она выглядела настолько противоестественно, что казалась снятой с другого, более солидного здания и лишь по ошибке перенесенной сюда.

Широкая, наверно, недавно поставленная дверь сверкала самодовольной свежеструганной желтизной, но висела почему-то на одной петле. К дверям вели шесть покосившихся ступенек, точно дышлом объединенные добротной отшлифованными множеством рук перильцами. У их подножия стояла длинная зеленая скамья с пролысынами от облупившейся краски.

Андреев устало присел, будто перед дальней дорогой, хотя на самом деле он уже пришел туда, куда должен был прийти. Среднего роста, очень худой, с огромной, аккуратно зачесанной назад шевелюрой, он выглядел довольно странно в своих слишком широких флотских брюках, подпоясанных ремнем с золотисто блестящей пряжкой, свежестырированной тельняшке и коверкотовом сером пиджаке. Недавно досрочно демобилизованный с флота, он по случайности распорол свой бушлат и вынужден был, пока его чинили, надеть оставшийся после отца пиджак. И должно же такое случиться, чтобы именно сегодня, когда ему хотелось бы произвести наилучшее впечатление, он так нелепо наряжен. Надо было шинель надеть, да не хотелось. На улице

стояла та погода, когда еще не тепло, но уже и не холодно. И он выбрал пиджак. С досады Андреев зло сплюнул.

В милицию он пришел не по делам прописки, не потому, что его вызвали сюда повесткой, а по путевке райкома комсомола. Когда вчера становился на учет, заведующий сектором как бы мимоходом поинтересовался:

— Куда на работу устраиваешься?

— Пока понятия не имею.

— А хотел бы иметь понятие?

— Почему же нет.

— Тогда, хлопец, посиди с минутку, я сейчас — Вернулся он действительно быстро и, широко улыбаясь, громче, нежели говорил прежде, предложил: — Пошли, хлопец, к секретарю.

Андреев не успел опомниться, как очутился в просторной, уютной комнате перед высоченным скуластым молодым человеком, почти ровесником.

— Садись! — пожав ему руку, проговорил хозяин кабинета. — Значит, из армии?

— С флота, — поправил его Андреев.

— Виноват, — улыбнулся секретарь, — флот — это, конечно... Это важно. — Непонятно было, ехидничает он или говорит серьезно. — А как, товарищ флот, посмотришь на то, чтобы пойти работать в милицию? По нашей путевке, конечно. Скрывать не буду — служба не из легких. Сам понимаешь, только-только война кончилась, вот недавно карточки отменили, денежная реформа... Ну, дряни всякой порядочно. И спекуляция, и ограбления, и даже убийства. Оружия вон сколько на полях валялось: бери — не хочу. — Секретарь вздохнул и пристально посмотрел Андрееву прямо в глаза: — Нужны ребята крепкие, смелые. Не испугаешься, морячок?

Он говорил так, словно Андреев уже дал свое согласие и сейчас выясняется только крепость его воли и духа. При таком обороте дела самолюбивому Андрееву было как-то неловко и отказываться. И он бодро ответил:

— Не из пугливых.

— Отлично! — Секретарь встал, давая понять, что все решено и расслаживаться здесь понапрасну нечего. — Тогда во вторую комнату налево — за путевкой. Заодно получишь путевку в юридический институт. Подкованным станешь милиционером. Устраивает профиль?

— Устраивает! — И простодушно добавил: — А я сам об учебе и не подумал. Вот здорово! Спасибо...

— Не за что. До хороших встреч. — Секретарь протянул ему руку: — Ни пуха ни пера.

И вот он сидит у самого входа в милицию, оттягивая время встречи, от которой зависит его будущее. Легко согласившись вчера на предложение райкома, он потом полночи не спал, обдумывая: правильно поступил или нет? Из всего свалившегося на него по душе пришлась только путевка в институт. Специальность юриста ему нравилась. Но с милицией он ее никак не

отождествлял: юриспруденция казалась ему чем-то высоким, сугубо научным, а милиция — так себе, нечто вроде вредного цеха, черной работы. Однако давать задний ход было не в его характере. Теперь только вперед. Он легко вскочил со скамейки, как бы разом отбросив все сомнения.

Начальник райотдела куда-то очень торопился и разговаривал с ним стоя. Он бегло просмотрел путевку, окинул Андреева профессионально-испытующим взглядом и несколько грубовато пробасил:

— Знаешь, что у нас трудно?

— Догадываюсь... Говорили, — поправился Андреев.

— Родителей-то хоть спросил?

— А что спрашивать? Самому уже двадцать. — Андреев пожал плечами, помолчал и добавил: — Отца нет — погиб. А мать? Она у меня коммунистка, понимает, товарищ подполковник.

— Коли так, хорошо. Нам люди ох как нужны. Мы даже инвалидов не чуждаемся. Они к нам пришли вроде как с войны на войну. А ты, брат, целехонек, пригож, орел. Летай! — Начальник улыбнулся, и у него неожиданно оказалось добродушное лицо, такое, какое бывает у отцов семейств в окружении детишек. — Летай, — снова повторил он, — коли крылышки прорежутся. Мне недосуг сейчас тобой заниматься — к большому начальству зовут. Так что не обижайся, не могу с тобой политмассовую работу провести. Приступай-ка прямо к делу. Идет? Отлично. Тогда найди в девятой комнате следователя Блинова. К нему в подчиненные и поступишь. Учти, человек он не сахар, но в нашей профессии — академик. Будешь у него прилежно учиться, тоже профессором станешь. Он тебе расскажет, где и как оформить потом документы. Ясно? Вопросы есть? Нет! Желаю удачи.

Андреев вышел. По длинному, еле освещенному коридору двинулся в поисках девятой комнаты. По дороге мелькнула предательская мысль: «А не уйти ли вовсе, не поискать ли чего-нибудь более спокойного?» В конце концов, каждый имеет право выбирать. Но тут же устыдился собственной слабости и, будто боясь передумать, зашагал быстрее.

Сердце екнуло, замерло, когда он взялся за ручку двери и, не постучавшись, отворил ее. За столом, на котором разноцветной грудой ползли к потолку толстые и тонкие папки, сидел, согнувшись над бумагами, немолодой человек с гладко причесанными редкими волосами.

Он медленно приподнял голову и посмотрел на Андреева с откровенным любопытством. Но спина его так и осталась согнутой.

Словно пригвожденный к месту этим взглядом, Андреев недвижимо застыл у двери. Сердце его тревожно заколотилось, в горле пересохло, и он не мог вымолвить ни слова.

Этот человек за столом, по-видимому, и был Блиновым, раз, кроме него, никого не было. По его лицу мелькнуло нечто вроде улыбки, он молча встал из-за стола и, по-прежнему не распрямляя спины, слегка прихрамывая, пошел навстречу Андрееву. Остановился на расстоянии не более одного шага и вопросительно глянул ему прямо в глаза. Они с минуту стояли друг против друга молча — один (Андреев это быстро сообразил) — когда-то высокий и

стройный, но, видимо, согнутый теперь из-за ранения позвоночника, человек в годах, утомленный работой и болезнями, другой — намного меньший ростом, внешне совсем юный и здоровый, не изведавший еще ни усталости, ни сложных превратностей жизни.

Тот, что был старше, первым прервал молчание и протянул руку:

— Давай знакомиться — Блинов. А ты, наверно, и есть Андреев? Не удивляйся, мне о тебе сообщили. Как звать?

— Василий.

— Василий, — повторил Блинов, точно боясь забыть это имя. Он тяжело повернулся и пошел на свое место. Со спины он выглядел совсем тощим, худым, почти жалким. Когда уселся, опустив голову в бумаги, то из-под торчавших папок и вовсе стал маленьким и неприметным. — Располагайся, вот стул. — Он опять в упор посмотрел на Андреева, и во взгляде уже было не любопытство, а нечто такое, что заставило Василия вздрогнуть. Казалось, что этот хромающий, согнутый человек вот-вот сгруппируется и не фигурально, а физически заберется в душу Андреева, чтобы обосноваться там и детально ее изучить изнутри. — Чего ж ты молчишь? Рассказывай...

Андреев непонимающе заморгал глазами и торопливо опустил на стул.

— Чего молчишь? — с подбадривающими нотками в голосе проворчал Блинов. — Рассказывай, зачем пришел.

— Работать, — только и выдавил из себя Андреев.

— Работать, значит... Угу... А сколько годков тебе?

— Двадцать исполнилось.

— Ах, двадцать. Другое дело. Я думал, ты моложе. Форма-то откуда?

— Как «откуда»? На флоте служил.

— По годам, получается, недослужил? Почему?

— Демобилизовали из-за болезни.

— Где проходил службу?

— С сорок третьего до сорок пятого — в Ленинграде, а потом — на Каспии, — торопливо сообщил Андреев.

— В Ленинграде, говоришь, с сорок третьего по сорок пятый. Да, время там было несладкое. — И, прерывая какие-то свои мысли, Блинов недоверчиво уточнил: — Что-то у тебя с годами сплошная путаница. Больно рано, выходит, служить пошел.

— Так и есть, — теперь уже спокойно и деловито объяснил Андреев. — По комсомольскому набору в военно-морское подготовительное училище пошел.

— Учился, значит?

— По шесть часов учились, а потом по восемь — десять работали.

— Трудно было?

— Поначалу с непривычки очень, а потом втянулся.

— А чего вдруг на Каспии очутился?

Андреев вспомнил приключившуюся с ним историю, и невольная улыбка пробежала у него в глазах, что не ускользнуло от взгляда Блинова.

— Чему улыбаешься?

— Не знаю, как и сказать.

— Лучше всего прямо, без всяких этих...

— В Ленинград приехал Вертинский — знаменитый певец. О нем тогда мало что знали, пластинки с его песнями в основном из-под полы продавали. Всякое рассказывали об этом человеке. Уехал за границу в революцию, вернулся в конце Отечественной войны. Говорили, что он построил на свои деньги несколько самолетов. Ну, в общем, личность заметная.

Блинов слушал не перебивая.

— У нас в училище был самый большой в Ленинграде зал, без колонн. На Васильевском острове. Такое старое престарое здание гардемаринского корпуса. Зал и вправду шикарный — для балов. С инкрустированным разными породами дерева полом, лепными стенами и потолком с огромными хрустальными люстрами. Так вот, пригласили туда Вертинского, а я, как назло, в этот день дежурил. На флоте дежурный носит повязку — рцами ее называют. По уставу он не имеет права ходить на увеселительные мероприятия. А тут Вертинский... Я знал почти все его пластинки, он мне безумно нравился и... — Андреев замолк, колеблясь: продолжать ли далее?

— И?.. — Блинов нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Сами понимаете, — продолжил Андреев, — я решил хоть одним глазком на него посмотреть. Там у нас, позади кулис, была небольшая лестница, которая вела к верхним софитам. О ней мало кто из курсантов знал. А я знал и полез. Да ладно бы один, а то еще с товарищем, тоже дежурным. Вдвоем мы забрались наверх и оттуда слушали. Пел Вертинский изумительно, не восторгаться нельзя было. А надо сказать, что лестница двоих держала плохо — она покачивалась от малейшего нашего движения. В общем, в какой-то момент лестница качнулась слишком сильно, и мы чуть не рухнули вниз. Приятель с перепугу за что-то ухватился, и сверху, едва не задев Вертинского, рухнул какой-то крюк. Тут все и началось. Поднялся переполох, зал зашумел, и мы не успели еще спуститься вниз, как были схвачены.

Началось чуть ли не следствие. Нас даже хотели обвинить в покушении на Вертинского. Допытывались, кто послал, зачем... Но в общем отделались легким испугом. Приятеля отправили в высшее училище на Тихий океан, а меня в такое же — в Баку, на Каспий.

— Любопытно! — рассмеялся Блинов. — Значит, покушался?! — Его разбирал смех, и он долго, натужно кашлял. Достал папиросу, закурил, предложил Андрееву. Тот не отказался, старательно размял папиросу, зажег спичку. — И что же дальше? — наконец поинтересовался Блинов.

— Ничего особенного, учился. Вполне нормально. Однажды пошли в учебный поход. Был девятибалльный шторм. Я держал вахту. Волной захлестывало по самые уши. Надо было бы попросить разрешения уйти обсушиться, да мне не хотелось — самолюбие заело. Подумают: салага. Решил свое отстоять. Ну а здоровье подвело. Когда вернулись в Баку, с корабля снесли на носилках. Плеврит. Госпиталь. Несколько месяцев провалялся, потом дали отпуск. Потом опять комиссия. Нашла непорядок в

легких. Короче, списали и даже поставили на учет в тубдиспансере.

— Ты, выходит, заразный? Нам-то здоровые нужны. Тут и без тебя всякого кривья достаточно! — рубанул Блинов.

— Чего? — не понял Андреев.

— Кривья. Это я такое слово сочинил от «кривых», по аналогии со жнивьем.

— А... Да нет, я вроде здоров. Смотрели меня. Теперь в безопасности.

— Здоров? — переспросил Блинов. — Ладно. Тогда поясни, как в милицию попал?

— Очень просто: пришел в райком комсомола и получил путевку.

— Сам попросил или предложили?

— Предложили. И еще направление дали в заочный юридический институт.

— Значит, и учиться будешь?

— Буду.

— Это, с одной стороны, не плохо. А с другой... — Он опять испытующе глянул на Андреева. — С другой — работа наша такая, что учиться будет некогда.

— Поглядим, — как-то осмелев, парировал Андреев.

Неизвестно, сколько еще продолжался бы этот разговор, не откройся внезапно дверь. В ее проеме появился здоровенный детина в телогрееке, а вслед за ним вошел усатый человек в синей измокшей шинели. Должно быть, он и швырнул сюда детину, на голове которого нелепо торчала шапка-ушанка с оторванным ухом, на ногах были разболтанные обмотки и немецкие солдатские ботинки на толстой подошве. От сильного толчка детина упал на пол. Неожиданно для Андреева он пополз к столу, как собачонка, без умолку приговаривая:

— Гражданин начальник, все расскажу, только не бейте. Я... — Он встал на колени и, утирая нос, продолжал гундосить: — Не надо меня бить...

Блинов резко вскочил из-за стола и властно крикнул:

— Кто тебя бить собирается? Встать!

Парень сперва замешкался, но потом испуганно встал. На вид ему было лет двадцать. Небритый, высокий, с длинными руками, большим носом и далеко расставленными большими глазами, он казался и вовсе великаном.

— В чем дело? — поинтересовался Блинов у милиционера.

Тот достал из кармана два пистолета, штык в ножнах и, кладя все это на стол, прохрипел:

— На Крестовском рынке вот этот, угрожая оружием, отобрал у нескольких баб, извиняюсь, женщин-колхозниц, деньги. — Милиционер положил на стол внушительную пачку мятых купюр.

— Без двух рублей тыщца, — с двумя «щ» проговорил милиционер и, помолчав, добавил: — Их было трое. Но двое других скрылись. Видать, им не впервой.

— Обыскали? — перебил милиционера Блинов.

— Да.

— Больше ничего не обнаружили?

— Нет.

— Где протокол?

— Некогда было, товарищ капитан, ничего не составляли.

Блинов укоризненно посмотрел на милиционера и, как бы вспомнив про Андреева, коротко приказал:

— Садись, писать будешь!

Андреев придвинул поближе стул, освободил место на столе, взял бумагу, школьную ручку, обмакнул ее в чернильницу-непроливайку, выжидательно уставился на Блинова.

— Надо бы понятых, — тоскливо проговорил тот.

Милиционер вышел.

Парень стоял не двигаясь, видимо, соображая, как ему вести себя дальше. И тут в кабинет осторожно вошли две пожилые женщины в сопровождении милиционера. Одна из них с проворной легкостью подскочила к парню, начала торопливо хлестать его по лицу костлявыми, скрученными подагрой пальцами. Удары были слабыми, но парень опять рухнул на колени:

— Не бейте, не бейте!..

— Хватит скулить! — оборвал его Блинов и повернулся к женщинам: — Вы знаете этого человека?

Обе сразу заголосили:

— Так он же со своими дружками отбирал у нас деньги. Как не знаем?

Женщины старались перекричать друг друга, что-то пытались рассказать, но понять их нельзя было.

— Замолчите! — громче обычного сказал Блинов. — Все ясно. Только выйдите, пожалуйста, в коридор и там подождите. Мы вас позовем.

Женщины послушно двинулись к двери и, чуть отстранив милиционера, вышли. Как только за ними захлопнулась дверь, Блинов набросился на милиционера:

— Сколько раз я говорил тебе, Петр Иванович, что надо все по закону! Когда я научу тебя работать? Понятых мне надо, а не свидетелей, понятых! Уразумел или нет?

— Так ведь они же...

— Иди, Желтых, найди людей, которые не знали бы парня. Ясно? Эх, кадры!..

Тот, что-то бормоча себе под нос, вышел. Андреев с любопытством наблюдал, всю эту картину, не зная, надо что-то записывать или нет. Между тем задержанный встал с колен и опять молча пристроился недалеко от стола. Блинов по-прежнему находился ближе к двери и сделал шаг, собираясь, видимо, на свое привычное место. Вдруг парень одним прыжком рванулся к столу и схватил лежавшие там пистолеты.

Блинов вскинул голову как раз в тот момент, когда парень поворачивался к нему, держа один пистолет за дуло, а другой направлял прямо на следователя.

Андреев успел заметить, как сверкнули глаза Блинова, и услышал, как он,

прыгнув в сторону, закричал:

— Брось оружие!

Этот крик как бы вывел Андреева из оцепенения. Не раздумывая, он бросился к парню и что есть мочи ударил его по шее. И вовремя. Потому что пущенная парнем пуля шмякнулась куда-то в натолок. Блинов мигом плюхнулся ему в ноги, повалил на пол и уселся верхом. Андреев тоже очутился там и неистово продолжал колотить парня.

— Прекратить! — заорал Блинов и устало поднялся, держа в руке отобранный пистолет.

Парень так и остался на полу, боясь поднять голову.

Блинов положил пистолеты в карман, поставив их на предохранители.

— Спасибо! — Он благодарно взглянул на Андреева. — А ты молодец, ориентируешься. Реакция хорошая.

Вошел усатый милиционер с понятыми.

— Привел.

— Ладно, через минутку приведи, а то безобразничает твой мальчик... — И повернулся к парню: — Встать!

Тот лишь боязливо поднял голову.

— Встать! — Еще резче повторил Блинов.

Парень медленно поднялся.

Андреев только-только начал оправляться от испуга и сидел на краешке стула, переживая происшествие. Впервые в жизни на его глазах чуть не убили человека и впервые он сам вполне осознанно ударил человека. И мало того, хотелось его еще бить. Его медленно-медленно охватывала дикая, затуманивающая мозг злоба. Он чувствовал, что сейчас вскочит и ударит этого длинного первым попавшимся под руки тяжелым предметом, ударит без жалости и сожаления.

А Блинов, будто уловив его потаенные мысли, очень спокойно, как ни в чем не бывало глянул на него и продиктовал:

— Сверху надпиши: «Протокол».

Андреев, даже не поняв, что это относится к нему, сидел, положив сжатые в кулаки руки на колени, и еле сдерживал свое волнение.

— Чего сидишь? Пиши! — твердо повторил Блинов.

Василий, медленно приходя в себя, послушно ткнул ручкой в чернильницу.

— Пиши! — повторил Блинов. — «Протокол задержания и обыска. Сего числа...» Далее ставь число, год, месяц. «На Крестовском рынке был задержан...» Назови-ка нам, дружок, свою фамилию, имя, отчество, где родился-крестился. — Блинов обратил свой взгляд на парня. Тот молчал. — Дружище, к тебе обращаюсь, — легко толкнул его в бок Блинов. Тот продолжал молчать. — Играть в молчанку решил? — Блинов отошел от парня и приблизился к понятым. Достал из кармана пистолеты и показал их: — Вот этими игрушками вот этот парнишка баловался. У него их и взяли.

Парень вдруг шагнул на середину комнаты и с подленькой улыбкой, в растяжку каждое слово, проговорил:

— Врешь, начальник, у меня их не было. Из своих ведь карманов вынул, не из моих...

Петр Иванович Желтых — милиционер, приведший парня, подскочил к нему, схватил за борта телогрейки и затряс:

— Ах ты, дьявол безрогий, не я ли их у тебя из-за пазухи вытащил?!

— Желтых, не смей! — распорядился Блинов. — Оставляйте ваши эмоции и вашу привычку ругаться дома. Сюда приходите спокойным и немногословным. Сколько раз говорено было! Пора и запомнить. — И к парню: — Значит, не у тебя взяли эти игрушки?

Андреев был потрясен. Он никогда еще не бывал свидетелем такой откровенной наглости. Сорвавшись со стула, он подлетел к парню, и было в его глазах нечто такое, что заставило того испугаться и заново рухнуть на пол.

— Не бейте, только не бейте!

Блинов взял Андреева за руку.

— Вот это уже ни к чему, не по-нашему. С первых дней привыкай не пачкать рук, — глухо проговорил он и указал Андрееву на стул. — А ты, — невозмутимо обратился он к парню, — вставай с насиженного места — и давай поговорим. Зря ваньку валяешь: ведь женщины, у которых деньги отнимал, здесь. Они-то уж тебя признают. Пистолетом ты им грозил? Грозил! Так что так запросто не выкрутишься. Понимаешь?!

Парень встал и тупо смотрел на Блинова. Понятые, ничего не понимая, терпеливо ждали, шепотом переговариваясь друг с другом.

— Так на чем мы остановились? — продолжал Блинов. — Ах да, ты хотел назвать свою фамилию. Я правильно понял?

— Веткин.

— А еще?

— Веткин.

— Звать?

— Толик.

— По отчеству?

— Сергеем отец был.

— Где документы?

— Нету.

— Лет сколько?

— Двадцать два.

— Откуда родом?

— Из Белоруссии.

— В Москве давно?

— Три дня.

— Петр Иванович, обыщи-ка его еще разок.

В кабинете было холодно. Хотя и наступила весна, но дни стояли прохладные, да и топили не ахти как.

Милиционер подошел к Веткину и указал на телогрейку:

— Скидывай!

Тот нехотя расстегнул телогрейку и бросил ее на пол. Она издала глухой стук. Блинов поднял ее и обнаружил сзади, в подкладке, маленький браунинг.

— А этот тоже, скажешь, не твой?

— Телогрейка чужая! — расплылся в улыбке парень.

— Пиши в протокол следующее: при обыске обнаружен в подкладке телогрейки пистолет системы «Браунинг» с вставленной обоймой. — Блинов вынул обойму — она была с боевыми патронами.

Больше у парня ничего не было. Понятые охотно подписали протокол и обрадованно вышли. Андреев записал адреса, место работы и их отпустили. Теперь он держал в руках свой первый в жизни процессуальный документ.

— А ты, Веткин, садись и давай поговорим, — предложил Блинов, когда ушли понятые.

Тот сел, но говорить отказался.

Блинов попросил Желтых посмотреть за парнем, а сам вместе с Андреевым вышел из кабинета.

— Вот что, сейчас пойдешь допрашивать женщин.

— Как — допрашивать?

— Очень просто, — пояснил Блинов, открывая ключом дверь соседней комнаты. В ней было еще холоднее. Серело от пыли окно, сквозь которое еле проникал дневной свет. Стол был с таким же серым налетом. Видать, за ним давно не сидели. — Возьми у меня на столе ручку, чернильницу, бумагу и садись допрашивай. Главное, поточнее записать все, что расскажут тебе женщины. Но сначала запишешь их установочные данные.

— Что-что? — переспросил Василий.

Блинов удивленно посмотрел на него, но, вовремя спохватившись, пояснил:

— Установочные данные — это фамилия, имя, отчество, год, месяц и место рождения, место работы. Потом предупреди их о том, что говорить надо только правду и что за ложные показания они могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 182 Уголовного кодекса РСФСР. Учти, РСФСР, а не СССР. Есть кодекс республики, а не страны. Дашь им в этом расписаться, а затем будешь подробно фиксировать все рассказанное. Когда закончишь записывать, уточни вопросами все, что неясно. Понял?

Андреев кивнул.

— Ну и с богом! — Блинов ушел.

Андреев остался один. Он попытался осмыслить происшедшее, но не смог — в голове не было ясности. Промелькнувшие за этот час события как-то странно на него подействовали. Он понял единственное: времени на размышление нет. Надо приступать к работе — к той работе, ради которой он пришел сюда. Надо начать допрос. Он пошел за ручкой, чернилами, бумагой и пригласил к себе одну из женщин. Она вошла, испуганно озираясь, и села только после третьего настойчивого приглашения, почему-то развернув стул спинкой вправо. Отвечала на вопросы быстро, даже торопливо, и при этом дышала часто и шумно.

Василисе Петровне Макаровой было сорок шесть лет, но на вид она

казалась старше. Должно быть, старил ее большой серый платок, опущенный до самых бровей и завязанный спереди большим торчащим узлом. Приехала из Владимирской области с картошкой, и, когда уже почти закончила распродажу, к ней вплотную подошли трое. В руках у них были пистолеты. Пригрозив, что убьют ее, если вскрикнет, отобрали все деньги. А что она могла сделать? У нее в деревне трое детей. Картошку взяла не только свою, но и родни. Деньги были нужны на покупку одежки для ребятишек, а то им в школу не в чем ходить.

Андреев долго записывал все, что ему рассказывала женщина, стараясь не упустить ни одного слова. Он взмок от напряжения — в холодной комнате ему стало жарко. Закончив писать, понес протокол Блинову. Тот быстро пробежал все страницы, исписанные мелким и не очень четким почерком, и удовлетворенно хмыкнул:

— Молодец! Только дай ей теперь все прочесть, и пусть каждый лист подпишет. Главное, побыстрей.

Андреев пригласил вторую женщину. С ней разговаривать было легче, да и сам он, приободренный похвалой Блинова, чувствовал себя увереннее. Запись оказалась обстоятельной, со множеством больших и малых подробностей. Как и в тот раз, пошел к Блинову. Тот снова похвалил его и добавил:

— А теперь поди к дежурному, попроси, чтобы он подобрал нам еще двух парней, таких, как вот этот, и понятых. Проведем опознание. Ясно?

Андреев не очень представлял себе, что такое опознание, но спрашивать не стал. Только согласно кивнул. Блинов про себя отметил это, но тоже промолчал.

Когда Андреев, все сделав, вернулся к Блинову, тот ходил вокруг парня и монотонно приговаривал:

— Тебе ведь двадцать два года. Родился в советское время. Откуда в тебе столько жестокости и одновременно столько подленькой трусости?

Веткин сидел молча, низко опустив голову и глядя куда-то вбок, точно боясь встретиться с укоризненным взглядом следователя.

Блинов, не обращая внимания на Андреева, продолжал:

— Зачем же ты хотел меня убить? Разве это спасло бы тебя? Не я — другой допрашивал бы.

— Я не хотел, я с испугу.

— Ничего себе испуг — хвататься за оружие и стрелять в представителя власти!

— Ей-богу, не хотел! — И парень перекрестился.

— Ты что же, и в бога веришь?

— Верующий я.

— Вот тебе и раз! Так и бог вроде добру учит... «Не убий». Слышал такую заповедь? Вот... А ты подлость творишь и — в бога веришь?

Андреев пока толком ничего не понимал, хотя старательно хотел разобраться в том, что происходило. Он никогда не видел так близко преступника и уж, конечно, не бывал в подобных ситуациях. Разве что в кино

видел. Но там все действие шло как бы в отдалении, его лично задевало только душевно, умозрительно. А здесь он превратился из зрителя в участника. И произошло это превращение слишком быстро, без переходов и предварительной подготовки. За несколько часов все в его жизни перевернулось. Он не замечал времени, о нем напоминал голод.

Блинов же вел себя, как и прежде, непринужденно, естественно. Он задавал вопросы, ему отвечали. Привели еще двух парней и двух женщин. Следователь посадил Веткина рядом с ними, женщин-понятых — сбоку. Начал диктовать Андрееву протокол опознания. Василий записал, все фамилии, имена и отчества. Потом пригласили первую из женщин. Она заявила, что знает лишь одного из представленных ей, рассказала, как он вместе с двумя другими ограбил ее. Андреев все подробно записал в протокол. Когда и другая указала на Веткина и поведала свою историю, Андреев наконец понял, что такое опознание. Правда, к чему все это, зачем, еще не уразумел. Процедура казалась ему излишней: и так все ясно. Но спрашивать ни о чем не стал.

Когда закончилось оформление протоколов, Блинов вызвал дежурного и попросил увести Веткина в КПЗ.

— Постановление на арест принесу часа через два! — бросил он вдогонку милиционеру и повернулся к Андрееву: — Запомни, что важно не только найти преступника, не только его изобличить, но и юридически правильно оформить дело. Судить его будут по тем материалам, которые есть в деле. И коль доказательства собраны достоверные, в достаточном количестве — дело в суде решится правильно. Ну а ежели мы с тобой сплеховали, улики раздобыли тяп-ляп, дело могут вернуть на доследование или, что еще хуже, оправдать того, кто совершил преступление. Так что нам брак категорически противопоказан. Нам халтурить, подтасовывать — ни-ни! Батюшки, да слушаешь ли ты меня? — осекся Блинов, заметив отсутствующий взгляд Андреева.

Василий и вправду слышал голос Блинова откуда-то издалека. Кружилась голова. Он ловил себя на том, что не может никак сосредоточиться. Мешал голод.

Блинов вынул из кармана брюк большие, старинной работы карманные часы на цепочке, щелчком открыл крышку:

— Ого, уже без десяти три! Пора бы перекусить. Пошли поедим. Сегодня день вроде спокойный, можно себе позволить такую роскошь.

Андреев содрогнулся: ему-то казалось, что сегодняшней день уж отнюдь не спокойный. Скорее, трудный, особый. Чуть было не возразил Блинову, но решил промолчать, отметив про себя, что, видимо, бывают дни по сравнению с этим более суматошные и опасные.

Блинов повел его в райисполкомовскую столовую. Там было тепло и уютно. Им подали квашеную капусту с подсолнечным маслом, гороховый суп, картошку с крошечным кусочком свинины и кисель из брикетов, который он в детстве так любил, но уже забыл даже вкус его.

Ели не спеша, с удовольствием. Здесь после обеда в отдельной комнате,

где было тепло и стоял фикус, разрешалось посидеть в кресле, покурить. Блинов повел туда Андреева. Они уселись рядом. Кроме них было еще несколько человек. Все молча курили.

Только они вытащили папиросы, как в комнату буквально вбежал дежурный по райотделу:

— Блинов, тебя ищут!

— Что такое? — недовольно проворчал Блинов, но тут же поднялся.

Андреев тоже встал и нехотя побрел за ним. Он уже успел как-то расслабиться, и уходить из этого благодатного местечка не хотелось. Но делать было нечего. За прошедшие полдня он столь крепко связал себя с делами Блинова, что остаться здесь — значит, по сути, отказаться от работы.

В райотделе Блинов, шедший впереди, влетел в какую-то комнату, и Андреев, не зная, что ему делать, остался посреди коридора. Он побродил из конца в конец и остановился у двери, за которой исчез его новый наставник. В ту же секунду, будто только и ждали этого момента, она внезапно растворилась, и Андреев едва успел отскочить, чтобы не получить удара.

— Чего не заходишь? — услышал он голос Блинова. — Застеснялся, красна-девица!

Кабинет, обставленный основательно крепкой мебелью, принадлежал заместителю начальника по уголовному розыску подполковнику Потапову. Слева стоял огромный кожаный диван с большой высокой спинкой, с витыми подлокотниками. В таком же стиле длинный письменный стол, покрытый зеленым сукном, несколько кресел. В углу возвышались медные часы с тяжелыми гирями, покоящиеся на высокой черного дерева стойке. Часы не работали, но придавали кабинету какой-то таинственный и даже устрашающий вид. Здесь было просторно, чисто. Аккуратно сложенные папки, торчавшие в стакане отточенные карандаши, большой бронзовый чернильный прибор — все говорило о том, что хозяин кабинета большой аккуратист.

Маленького роста, коренастый, с кривыми ногами кавалериста, Потапов поражал удивительно красивым, прямо-таки артистичным лицом. Один рукав диагоналевой потрепанной гимнастерки был пустой, на груди справа желтели три полоски ранений, а слева — серия колодок орденов и медалей.

Он не вышел из-за стола, встречая новичка, а только приподнял очки, издали рассматривая вошедшего.

— Заходите, заходите, молодой человек. Моя фамилия Потапов. — И повернулся к Блинову.

Андреев вспомнил эту фамилию. Ее знала вся Москва. Об этом человеке писали все столичные газеты.

Потапов еще до войны работал в милиции, потом ушел на фронт. Несмотря на тяжелое ранение — ему ампутировали руку, — вернулся сюда обратно. Он просто не мог иначе. Человек сильный, целеустремленный, юрист по образованию, подполковник отлично знал свое дело и любил его. В одном из очерков о нем очень красочно описывалось, как он, однорукий, смело вступил в единоборство с бандитом и победил его.

«Так вот с кем меня сводит судьба!» — подумал Василий и стал прислушиваться к разговору.

— Юрий Константинович, — ровным голосом пояснил Потапов, — только что мы получили оперативные данные о Лисе. Он вернулся к себе домой и, видимо, решил спокойно провести время со своей Диной. То ли надоели ему дружки, то ли устал, но пока сидит дома. Очевидно, тебе придется его потревожить. Имей в виду: людей у меня нет и уже час, как наблюдение снято. Тебе следует поторопиться. Вас теперь двое, — он посмотрел в упор на Андреева, — думаю, что с Лисой вполне справитесь.

Блинов молча выслушал и, не говоря ни слова, только согласно кивнул. Тяжело встал со стула и направился к двери. Андреев последовал за ним.

Их остановил голос Потапова:

— Молодой человек, а оружием-то вы владеете?

Андреев обернулся и застыл, не зная, что ответить. В училище он несколько раз был на стрельбище и очень неплохо стрелял из ручного пулемета и пистолета ТТ.

— Не знаю, но из ТТ доводилось стрелять, и в цель всегда попадал.

— Это хорошо. — Потапов вышел из-за стола и открыл большой сейф. Андреев увидел на полке целую дюжину разных пистолетов. — Возьмите любой.

Василий подошел поближе и выбрал знакомый ему ТТ. Он ловко вынул обойму — она была полной. Вставил ее обратно, с трудом нажал на предохранитель и вопрошающе взглянул на Потапова.

— Берите, берите! — улыбнулся Потапов.

После столь опрятно убранного кабинета Потапова комната Блинова выглядела теперь совсем захлавленной и вроде бы нежилой. Точно хозяин ее спешно и надолго уехал, не успев навести порядок.

Блинов не стал рассказывать Андрееву никаких подробностей. Он лишь взял со стола папку с бумагой, копирку, проверяя карандаш, послунил его. Убедился, что он чернильный, положил в карман. Тщательно запер кабинет и, кивком позвав за собой Андреева, пошел впереди него к выходу на улицу.

Шел мелкий, колюче-холодный в эту пору дождик. Небо густо заволокло сплошной туманно-серой кисеей, сквозь которую не проникал солнечный свет. На улицах было тихо. Редко проносились полупустые троллейбусы, сердито урчали автомашины. Откуда-то из Безбожного переуллка доносился глухой перезвон трамваев. В ту сторону они теперь и направлялись.

На остановке долго ждать трамвая не пришлось. Народу было очень мало. Блинов достал мелочь, подал кондуктору и получил два билета. Тихо проговорил Андрееву:

— Давай постоим на задней площадке. Пока никого нет, введу помаленьку в курс дела. Лиса — матерый вор. Ищем его уже несколько месяцев. По нашим данным, он участвовал в ограблении сберкассы. Человек особый — вор в законе.

— Не понимаю, что значит «вор в законе»?

Блинов замялся. Ему трудно было подобрать слова, чтобы объяснить

новичку известное каждому милиционеру понятие.

— Если проще, то это — вор, которого знают, так сказать, авторитетный вор, имеющий право командовать другими. Понимаешь? — Блинов откашлялся. — Вообще, надо тебе сказать, у воров есть свои неписанные законы. Раньше они распределяли между собой сферы деятельности. Помнишь у Ильфа и Петрова нарушителей конвенции? Ну вот. Значит, одни были домушники, другие — медвежатники, то есть «специалисты» по обворовыванию квартир, по взлому сейфов и так далее. Их обучали «делу» более опытные дружки. Теперь, конечно, всего этого нет, но вор в законе существует. Он и в заключении тоже обладает среди своих особыми правами: ему едуносят, он пытается не работать — за него это делают другие. У них есть и свои какие-то нормы. Например, такой вор никогда не должен идти на «мокрое дело», иначе говоря, в убийствах такой, как наш Лиса, участвовать не должен. Правда, сейчас все смешалось в доме Облонских, но Лиса, по нашим данным, придерживается старых правил. Иначе взять его без стрельбы будет трудно и нам двоим с этим не справиться. Вопросы есть?

Андреев пожал плечами.

Сошли у Рижского вокзала и пошли к Переяславке. Света на улицах было немного. Номерные знаки домов освещались тусклыми лампочками. Блинов шагал уверенно, очевидно точно зная, куда надо идти. Немного не доходя до неказистого двухэтажного деревянного дома, Блинов остановился:

— Вот здесь, во дворе, есть лестница на второй этаж. Сюда и двинемся. Имей в виду, Лиса потому и Лиса, что хитер. Взять его надо быстро и решительно. Если он поймет, что ему не уйти, сопротивляться не будет.

Андрееву очень хотелось расспросить Блинова, откуда он все это знает и как ему, Василию, действовать в данной ситуации, но не оставалось времени, потому что они уже оказались во дворе. Тихо ступая, поднялись по уличной лестнице на второй этаж. Хотя Блинов ни о чем его не предупреждал, он старался идти точно так же бесшумно, как следователь. Поднялись наверх под навес и огляделись. Кругом тишина. Нигде ни единого шороха. И тревожная, настораживающая темнотища. Блинов осторожно нащупал ручку и стал медленно приоткрывать дверь. Она отворилась без скрипа. Вошли в довольно большое неосвещенное помещение. Андреев машинально сунул руку в карман и сжал рукоятку пистолета. Блинов чиркнул спичкой. Здесь была кухня. В тусклом пламени мелькнули газовая плита, столы, заставленные кастрюлями и тарелками, переполненные чем-то полки. Две двери. Блинов, ни секунды не раздумывая, направился к той, что была слева, и резко рванул на себя. Точно водопад, на них обрушился гул пьяных голосов. Лиса был не один. В ярко освещенной люстрой комнате за столом сидело пятеро мужчин. и две женщины. Лиса как раз стоял у самых дверей; он, видимо, услышал их шаги и направлялся в кухню, чтобы узнать, в чем дело. И почти столкнулся с Блиновым, которого, как понял Андреев, хорошо знал.

— Мусора пожаловали! — громко, чересчур громко и нервно возвестил Лиса.

За столом возникло замешательство. Как это часто бывает в подобных

случаях, у некоторых из сидевших мгновенно наступило отрезвление.

Блинов и Андреев оказались в серьезном положении. Вместо Лисы и его подружки здесь было восемь человек, на добропорядочность и законопослушность которых надеяться не приходилось. Вряд ли матерый вор имел друзей, почитавших уголовный кодекс. Делать было нечего. Отступить — значило упустить не только Лису, но и, быть может, других преступников. Блинов это хорошо понимал. Что же касается Андреева, то у него мыслей, подобных блиновским, не возникло. Человек, только несколько часов назад пришедший на работу в милицию, не имевший даже минимальных представлений о превратностях и опасностях своей новой службы, а посему не привычный еще к мгновенным реакциям, он попросту растерялся. Так теряется мальчишка, вышедший на честный бой со своим ровесником и неожиданно встретивший не одного противника, а сразу нескольких. Одним словом, он поначалу и растерялся, и почувствовал тошнотворный приступ страха.

Только Блинов, судя по всему, сохранял полное самообладание. Он буквально рванулся к столу, с силой оттолкнул Лису к остальным, властно крикнул:

— Руки! Всем руки вверх! — и, не оборачиваясь, уже несколько спокойнее скомандовал: — Андреев, ко мне, остальным оставаться у входа!

Василий не сразу понял, о каких «остальных» шла речь, и даже хотел оглянуться, но в то же мгновение его осенило, что Блинов пошел, как говаривали в армии, на военную хитрость: он делал вид, будто их не двое, а много. Эта уверенность товарища, его вполне разумный для данного случая маневр и твердость моментально подействовали на Андреева успокаивающе. Он приосанился, протянул решительно вперед руку с пистолетом, давая этим жестом понять, что не остановится ни перед чем, что сил и выдержки у него более чем достаточно.

Замешательство было столь велико, что никто не посмел сопротивляться.

— Всем встать и в угол! — продолжал командовать Блинов.

Никто больше не произнес ни слова. Все послушно встали и с поднятыми руками засеменили в угол. Блинов, наступая, шел за ними по пятам, подступился вплотную. Продолжая держать пистолет в правой руке, он левой начал ощупывать у всех карманы. У кого-то извлек финку, у кого-то — кастет, у одного оказался пистолет. Больше вроде ничего не было.

Андреев тоже подошел чуть поближе, по-прежнему цепко сжимая рукоятку пистолета.

Один из этой группы, видимо желая проверить стойкость двух работников милиции, вдруг стремительно повернулся лицом к Блинову и сделал вид, будто хочет на него напасть.

Андрееву не пришло в голову, что это игра, он принял все всерьез и, подражая Блинову, заорал:

— Руки! Стоять на месте!

Мужчина тотчас же отпрянул, метнув на Василия злобный взгляд, испуганно поднял руки и повернулся лицом к стене. Женщины точно по

команде громко и заунывно принялись подвывать.

— Молчать! — приказал Блинов и для остротки легонько ткнул одну из них дулом в бок.

Положение оставалось щекотливым. Шесть мужчин и две женщины, восьмеро против двух... Блинов отлично понимал, что в любой миг может произойти самое невероятное, и мучительно искал выхода. Искал, понимая, что для принятия решения ему отведены считанные минуты. Теперь и Андреев все больше начинал осознавать нелепость и драматическую сложность ситуации, но тоже не находил выхода. Не могли они и посоветоваться друг с другом.

К тому же неизвестно было, кто живет рядом. Можно ли в случае чего опереться на этих людей, видеть в них возможных союзников, или, наоборот, они недруги, готовые выручить попавших в руки милиции приятелей? Да и живут ли здесь вообще посторонние? Может, среди задержанных как раз и находятся соседи?

Вопросов много, а ответы получать на них практически невозможно. И тикают, тикают часы, поглощая время, отведенное на принятие единственно верного решения, Нетерпеливо ищут его оба работника милиции, нетерпение начинают проявлять и задержанные. Шестеро мужчин и две женщины наверняка знают последовательность действий в подобных случаях, но замечают промедление и никак не могут понять причину его. Но как только поймут!..

Один, кажется, начинает кое-что соображать. Он вдруг нагнулся и что-то швырнул в люстру. Блинов заметил это движение раньше, чем был сделан бросок, и высоко прыгнул, прикрыв рукой лампы. Удар по кисти был, вероятно, очень сильным, потому что лицо Блинова исказила гримаса боли, и он с маху ударил этого мужика рукояткой пистолета по голове. Тот рухнул. Женщины снова голосисто запричитали.

Блинов окончательно вышел из себя и, как следует ругнувшись, оборвал выть. Наверное, он впервые в жизни не сдержался, впервые употребил не весьма печатное выражение, потому что густо залился краской, а Лиса, хорошо знавший Блинова, удивленно ахнул. Даже тот, кто, очнувшись от удара, лежал на полу и громко постанывал, неожиданно хихикнул. Подействовало это и на остальных. Они как-то сжались, сгруппировались в тесную, послушную кучку и ближе притиснулись к стене.

Еще не все из них догадывались, что Блинов мучительно ищет и не может найти выхода. Пока было ясно только одно: вдвоем им не отвести эту компанию в милицию — разбегутся. И Лиса, ради которого предпринималась вся операция, убежит первым. Значит, надо вызывать подмогу. Но как? Телефона нет, звать соседей рискованно, кричать «караул» — смешно. Остается одно — отправиться кому-нибудь из них за помощью.

Кому? Логичнее всего Андрееву. Ведь яснее ясного, что остаться с задержанными, каждый из которых, судя по всему, достаточно опасен, нужно ему, Блинову. Фронтвик, всякое переживший за годы войны, не раз ходивший и в атаки, и в разведку, имеющий за плечами пусть небольшой, но

все же необходимый опыт служения в милиции, он мог бы рискнуть продержаться здесь один некоторое время. С другой стороны, совершенно бессмысленно посылать за помощью Андреева. Первый день в милиции, он понятия не имел, куда надо идти, каким кратчайшим путем, что и с кем в этом случае говорить. Не инструктировать же его сейчас при всех. Следовательно, заключил Блинов, уходить нужно ему, но так, чтобы Андреев хоть немного понял его, не переспрашивал, а главное — не испугался. Из всех возможных вариантов он выбрал тот, который показался ему самым простым.

Блинов быстро отошел к самым дверям, где сейчас обосновался Андреев. Шепнув ему в самое ухо: «Держись!» — громко прокричал:

— Оцеплению оставаться на месте! Сергеев, ко мне! Новиков, быстро за понятыми! — и выскочил наружу.

Андреев остался один. Он слышал, как кто-то быстро поднялся по лестнице, кто-то затопал по кухне, и с тревогой ожидал появления новых неизвестных — друзей или врагов. Откуда ему было догадаться, что это Блинов, пожертвовав лишней минуткой, имитировал всевозможные передвижения, только бы оставшиеся восемь не уразумели, что они с Андреевым попросту хитрят. Наконец Блинов убежал, и все вокруг затихло. Василий со страхом уловил наступившую тишину, не зная, бояться ее или радоваться ей. Именно в эти мгновения он понял, что окончательно остался один и что имел в виду Блинов, призывая его держаться.

Сколько прошло с момента ухода Блинова, он не знал, но ему показалось, что вечность. Время потянулось для него с убийственной медлительностью. Часов у него не было, и это обстоятельство еще более усугубляло тяжесть ожидания. Потом он перестал ждать. Просто замер с пистолетом наготове, уже не думая ни о минутах, ни о том, что его надет, если Блинов еще немного задержится.

Вдруг его обостренный слух уловил на улице сперва шорохи, затем громкие шаги по лестнице.

И опять один из стоявших у стены обернулся. Андреев прикрикнул на него, но тот не послушался. Тогда Василий, направив дуло пистолета вверх, нажал спусковой крючок. Он хотел дать предупреждающий выстрел, как его учили на флоте. Вместо этого послышался беспомощный легкий щелчок. Он повторил попытку. Тот же результат. Лицо Андреева покрылось холодной испариной, в мгновение ока он сообразил: с пистолетом произошло что-то неладное. Очевидно, это поняли и остальные.

Они неожиданно все вместе отпрянули от стены и бросились к Андрееву. Но тут из двери грянули два выстрела, и буквально не вошел, а влетел Блинов.

— Что тут происходит? А ну на место! — Голос его был твердым и уверенным.

На состояние Андреева Блинов не обратил никакого внимания. Лишь быстро передал подоспевшим милиционерам задержанных и только тут обернулся, ища глазами своего нового помощника.

А с того внезапно спало охватившее его оцепенение. Он почувствовал, как к горлу подступила внезапная тошнота, а люстра на потолке сперва странно прыгнула, а затем вихрем закружилась, заплясала, слепя глаза огненными бликами. Андреев согнулся и упал.

Он пришел в себя быстро. Над ним стоял Блинов и еще кто-то. Его поднял, поддерживая под руки, Потапов.

— Чего же ты, милый? — приговаривал подполковник.

— Пистолет, понимаете, пистолет, — пролепетал Андреев.

Блинов взял в руки его ТТ, отодвинул затвор, патрон вылетел. Он глянул внутрь.

— Батюшки светы! Нет бойка! — выдохнул он.

— То есть как? — недоверчиво переспросил Потапов и тоже осмотрел пистолет. — Да, дружок, этот первый день мог быть и твоим последним, — грустно вздохнул он.

В машине сидели молча. Доехали до райотдела как раз когда доставили туда задержанных, чтобы отвести вниз, в КПЗ.

Зашли в кабинет Потапова. Тот, не садясь, направился к своему сейфу, достал оттуда новенький кольт, осмотрел его и с двумя запасными обоймами подал Андрееву.

— Возьми, этот хороший. Пусть всегда будет с тобой, но никогда тебе не пригодится.

Блинов тронул его за плечо и повел к себе.

— Продолжим работу, парень. Возьми-ка, пожалуйста, ключ от уже знакомого тебе кабинета и отправляйся туда. Поскольку ты теперь специалист по допросам женщин, тебе приведут одну из тех, кого мы задержали. Допроси ее.

— О чем? — спросил Андреев.

— Ну, чем занимается, где работает, в каких отношениях со всеми, кто был там. Пусть назовет все фамилии и расскажет о каждом, что захочет. Пока будешь допрашивать, я тоже займусь делом. — Он уселся на свое место и, улыбаясь, пристально взглянул на Андреева: — Эх, жизнь наша! Глянь, дело уже к ночи идет, а у нас работы еще невпроворот. — И вдруг резко спросил: — Перепугался?

— Ничего, — только и смог ответить Андреев.

— Я ж тебе еще с утра говорил: нелегко здесь.

— А я и не просился на легкое! — самолюбиво отрезал Андреев.

— Не кипятись, порядок! Надо бы тебя похвалить за сегодняшнее. Первый день выдержал. Да, пожалуй, не стоит: день-то еще не кончился. Иди, дружок, иди, а то и к утру не справимся. У нас тут день порой кончается завтра...